

ЯЗЫК . СЕМИОТИКА . КУЛЬТУРА

Н. И. Толстой

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Том III

ОЧЕРКИ
ПО СЛАВЯНСКОМУ
ЯЗЫКОЗНАНИЮ

«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Москва 1999

ББК 81.2Р
Т 53

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 97-04-16427

Толстой Н. И.

Т 53

Избранные труды. Том III. Очерки по славянскому языкознанию. — М.: «Языки русской культуры», 1999. — 464 с.

ISBN 5-7859-0081-5

В томе III публикуются статьи акад. Н. И. Толстого по славянскому языкознанию, объединенные в четыре тематических раздела. В первом разделе обсуждаются общие вопросы этногенетической интерпретации данных языка и традиционной духовной культуры, а также связанные с ними проблемы славянской ареалогии. Во втором – содержатся конкретные исследования нескольких ключевых проблем сравнительной грамматики славянских языков (первая палатализация задненебных, происхождение постпозитивного артикля) и палеославистики (семантика кратких и полных прилагательных в старославянском языке). В третьем – предлагается анализ трех явлений из болгарской диалектной фонетики и грамматики. Четвертый раздел включает статьи по истории славистики, в которых анализируются работы И. И. Срезневского, И. А. Бодуэна де Куртенэ, А. А. Потебни, Д. К. Зеленина, Д. Джуровича, Р. Бошковича. В приложении помещена библиография трудов акад. Н. И. Толстого и литературы о нем.

Книга адресована как специалистам по славянскому языкознанию, так и более широкому кругу читателей, интересующихся перечисленными темами.

ББК 81.2Р

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su) the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

- © Н. И. Толстой, 1998
- © А. Д. Кошелев. Серия «Язык. Семиотика. Культура», 1995
- © В. П. Коршунов. Оформление серии, 1995

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 7

Часть I

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРА В ИСТОРИЧЕСКОМ И ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

О соотношении центрального и маргинальных ареалов в современной Славии.....	10
Этногенетический аспект исследования древней славянской духовной культуры.....	31
Неравномерность развития звеньев языковой и мифологиче- ской системы в этнолингвистическом аспекте.....	40
К вопросу о классификации славянских диалектов.....	48

Часть II

МАТЕРИАЛЫ ПО СРАВНИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКЕ И ТИПОЛОГИИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке.....	52
К вопросу о судьбе славянских кратких и полных прилагательных.....	171
Опыт типологической характеристики славянского члена-артикла.....	191
Из наблюдений над членом-артиклем и указательным местоимением в южнославянских диалектах.....	194
О непоследовательности первой палатализации задненебных согласных в славянских языках.....	197
1. Слова с корнем *geg-.....	198
2. Слова с корнем *ger-.....	205
3. Слова с корнем *kek-.....	208
4. Слова с корнем *kev-.....	214
5. Слова с корнем *ker-.....	218

Часть III

Из блокнота диалектолога

Странджанский предикатив <i>нема</i>	228
Рефлекс <i>ъ</i> и <i>'а</i> в говоре Кондолово (Мързеве).....	236
Контракция гласных в с. Горска Поляна, Елховско	242

Часть IV

Из истории славистики

Опыт карты праславянских диалектов Д. П. Джуровича. 1913 г.	252
И. И. Срезневский—диалектолог	267
О работах И. А. Бодуэна де Куртене по словенскому языку	285
О некоторых этнолингвистических наблюдениях А. А. Потебни.....	302
Д. К. Зеленин—диалектолог	316
Предисловие к книге Р. Бошковича «Основы сравнительной грамматики славянских языков».....	331

* * *

Курс «Введение в славянскую филологию» и его отношение к курсу «Старославянский язык»	346
--	-----

<i>Литература</i>	357
<i>Первые издания публикуемых работ</i>	386

Приложение

<i>Библиография печатных трудов Н. И. Толстого</i>	390
<i>Литература о жизни и трудах Н. И. Толстого</i>	441
<i>Основные даты жизни и деятельности Н. И. Толстого</i>	456
<i>Сокращения</i>	462

От редактора

Настоящим, третьим томом завершается издание «Избранных трудов» Н. И. Толстого по языкознанию. Вместе с книгами «Славянская географическая терминология» (М., 1969) и «История и структура славянских литературных языков» (М., 1988) «Избранные труды» (т. I. Славянская лексикология и семасиология. М., 1997; т. II. Славянская литературно-языковая ситуация. М., 1998) достаточно полно представляют лингвистическое наследие ученого (тогда как многочисленные публикации Н. И. по проблемам традиционной духовной культуры, рассеянные по разным сборникам, еще ожидают своего переиздания). Неопубликованной остается докторская диссертация Н. И. «Опыт семантического анализа славянской географической терминологии» (М., 1972, т. I–III, 923 с.); в архиве хранятся работы, которые автор считал неоконченными; несколько статей находится в печати. Некоторые лингвистические работы, касающиеся этнокультурных аспектов языка, переизданы в книге: Н. И. Толстой. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.

Состав и структура настоящего тома определены самим автором. В отличие от первых двух томов, посвященных магистральным для научного пути Н. И. темам и представляющих собой по существу монографии, которые лишь по условиям своего времени не могли быть опубликованы в виде книг, третий том не является монографией и не составляет в тематическом отношении единого целого. Тем не менее вопросы фонетического и грамматического развития славянских языков и диалектов, не будучи центральными, неизменно входили в круг интересов Н. И. — и в связи с его работой над кандидатской диссертацией о полных и кратких прилагательных в старославянском языке, и в связи с чтением им на протяжении нескольких десятилетий университетских курсов по введению в славянскую филологию, по старославянскому языку и др., и, наконец, в связи с его многолетней полевой диалектологической работой в Бессарабии и Приазовье, в Болгарии и в Полесье. Отличительной

чертой работ этого круга, объединяющей их с другими исследованиями того же автора, является их «погруженность» в лексику, стремление проследить действие фонетических и грамматических законов на всей толще лексического материала со специальным вниманием к периферии, к лексическим и семантическим ограничениям в действиях правил, к колебаниям, непоследовательностям, конкуренции форм и т. п.

Особое место в наследии Н. И. занимают труды по истории славистики. В разное время ему приходилось писать о таких выдающихся ученых прошлого и нынешнего века, как Потебня и Срезневский, Бодуэн де Куртене и Трубецкой, Караджич и Даничич, Виноградов и Ларин, Мошинский и Унбегаун и многие другие. Это были специальные исследования, предисловия к книгам и публикациям, юбилейные статьи, некрологи. У Н. И. была потребность обращаться к предшественникам и вдумываться в логику развития научных идей. Ему было присуще живое ощущение причастности к великой научной традиции и ответственности перед ней.

Дополнительно к работам, отобранном автором, в третий том включена полная библиография трудов Н. И. Толстого и библиография литературы о нем, оказавшейся доступной на сегодняшний день.

В подготовке тома к печати принимали участие Н. А. Замятина и М. Н. Толстая.

I

Славянские языки и культура в историческом и этногенетическом аспекте

О соотношении центрального и маргинальных ареалов в современной Славии

Проблема центра и периферии в географическом, а не структурно-грамматическом плане возникла почти одновременно с зарождением ареального исследования языков. Уже теория волн патера Иоганна Шмидта поставила вопрос о противопоставленности «основного», как полагал исследователь, очага индоевропейских языков их окраинному западному ареалу, вопрос о так называемой лингвистической непрерывности, о переходных зонах и общих чертах географически соседствующих языков. И. Шмидт осознал проблему центра и периферии как проблему соотношения инноваций и архаизмов. Ему и принадлежит знаменитая образная аналогия, по которой отдельные инновационные языковые явления распространяются из центра с убывающей силой подобно кругообразным волнам от брошенного в воду камня (см. Серебренников, 1957; Серебренников, 1977).

Свое наибольшее применение идея противопоставленности центра и периферии нашла на материале романских языков. При изучении диалектов современной Рومании, помимо отмеченных выше в связи с идеями И. Шмидта проблем, возникли проблемы этнического субстрата, «хронологии», т. е. разного времени заселения романоязычным этносом отдельных территорий нынешней Рومании, государственных образований после постепенного распада Римской империи. При решении проблем «центра и периферии» со временем все большую роль стал играть лексический материал, упорядоченный в виде лингвистических карт, сопоставлений, словарей и т. п.¹.

---

¹ Известно, что в романистике при решении проблемы диалектного членения современной Румании представителями «субстратной» теории были Г. Шухардт и Г. Асколи, «колониционно-хронологической» — Г. Грёбер, «государственной» — В. Мейер-Любке и др. В связи с затронутыми теориями и вопросами на индоевропейском материале можно указать на труды М. Бартоли, Дж. Бонфанте, В. Пи-

Нашей целью является краткое определение основного комплекса проблем, связанных с глобальной лингвогеографической темой центрального и периферийного ареалов, — комплекса, выявляющегося отчасти на индоевропейском, в большей мере на романском языковом фоне, и рассмотрение его на фактах современных славянских языков и диалектов. Естественно, что проблемы, выявляющиеся на романской основе, ближе к задачам исследования славянского языкового континуума и в хронологическом, и в типологическом, и в географическом аспекте, чем на основе индоевропейской.

Основные проблемы, на наш взгляд, сводятся к следующему. Во-первых, взаимоотношение центра и периферии может быть рассмотрено в современном чисто пространственном, вернее пространственно-типологическом, плане в целях обнаружения территориально противопоставленных элементов. Во-вторых, соотношение центра и периферии может быть гипотетически дополнено известным содержанием, значимым исторически или историко-генетически, прежде всего признаком «инновация—архаизм». В-третьих, может быть поставлен вопрос о внелингвистических причинах этого соотношения: проблема субстрата, проблема миграционных волн (их хронология), затем проблема образования государств, княжеств, их границ и т. п.

С отмеченными моментами связана проблема интерференции и взаимопроницаемости близкородственных языков и диалектов и вопрос о постепенной, «тотальной» переходности лингвистического ландшафта в крупных ареалах или массивах. Существенен и вопрос хронологической направленности исследования: стремиться ли к характеристике современного состояния или на его основании — к реконструкции более ранних эпох, вплоть до эпохи славянской прародины (позднего или среднего периода), а также вопрос о ситуации в отдельных ареалах и подареалах (подзонах) в пределах всего славянского языкового мира, затем в южно-, западно- и восточнославянских массивах и даже в отдельных зонах типа русского Севера, Полесья, Восточной Болгарии и т. п. Будем, однако, вести речь обо всей Славии в целом, притом о современной Славии, а не о «доисторической».

зани, Дж. Девото и др. Однако это не входит в нашу задачу, тем более что рассмотрению взглядов этих ученых посвящены отдельные работы на русском языке, где указана литература (см. Макаев, 1964; Бородина, 1977; Десницкая, 1977).

Если исключить азиатские славянские территории — земли относительно поздней колонизации, современная Славия может быть представлена как некий прямоугольник или ромб с крупными островными включениями венгерской и румынской иноязычной среды. При проведении двух условных диагоналей и при учете различной плотности распределения языков и диалектов в географическом пространстве центр окажется где-то в Карпатах, а без учета плотности центр слегка переместится на северо-восток, ближе к Полесью. Во всяком случае Карпаты и Полесье находятся на границе западно- и восточнославянских языковых групп (комплексов). Карпаты же при этом до конца IX в. были южно-западно-восточнославянским пограничьем.

Лингвистическая непрерывность, т. е. зоны переходных говоров, наблюдаются в современной Славии лишь в пределах отдельных славянских языковых групп: восточнославянской, южнославянской и западнославянской. Типичными представителями переходных зон являются Смоленщина на белорусско-великорусском пограничье, хотя в общеславянском масштабе типологически, при исключении момента национального самосознания этноса, белорусские говоры можно было бы рассматривать как русские, как это делали Н. Н. Дурново и Е. Ф. Карский в своих трудах в 1924 г. (Дурново, 1924; Карский, 1924), средневеликорусские говоры между массивами северно- и южновеликорусских говоров, затем шопско-торлакские говоры между болгарским и сербскохорватским основными массивами, кайкавское наречие между словенским и сербскохорватским языками, восточноморавские говоры и крайнезападнотловацкие между остальными чешскими и словацкими диалектными группами и т. д. Переходность и «непрерывность» еще ярче выступают при рассмотрении говоров в более мелких масштабах. (См.: Stieber, 1938; Dejna, I–II; Utěšený, 1960; Ивић, 1957–1958; Назарова, 1965, а также работы М. Малецкого, Ф. Травничка, А. Келлнера, Я. Белича, М. Карася, Е. Лотко, П. А. Бузука, Ф. Т. Жилко и др.).

Характерно, однако, что переходных говоров между отдельными группами славянских языков — южно-, западно- и восточнославянских — нет. Правда, южные славянские языки отделены от западных и восточных широким венгерско-румынским языковым поясом, но западные с восточными смыкаются на большом протяжении и издавна, а пере-

ходные говоры все-таки не существуют. Случай с русинским литературным языком особый, и в нем мы все же наблюдаем уже литературноязыковой феномен, а не диалектный².

Обратимся к некоторым общеизвестным, хрестоматийным фактам, необходимым, однако, для рассмотрения интересующей нас проблемы.

Славянские языки делятся на три основные группы (восточную, южную и западную) на основании десятка историко-фонетических показателей-признаков. Они могут быть дополнены рядом признаков морфологического и словообразовательного характера (приставки *vy-*, *iz-*, суффикс *-ača* и др.). Среди них наиболее релевантны: 1) судьба начальных сочетаний **kv-*, **gv-* перед **ě₂* (из **oi*), 2) судьба сочетаний **tort*, **tolt*, **tert*, **telt*, 3) судьба начальных **ort-*, **olt-* под циркумфлексной интонацией, 4) судьба сочетаний **tl*, **dl* (*radlo*, *modlitva*), 5) судьба *l*-эпентетикум, 6) судьба слоговых плавных в определенных сочетаниях, 7) начальное *je* или *o-* (*jezero/озеро*), 8) судьба сочетаний **tj*, **dj* и др. Последний признак, т. е. судьба **tj*, **dj*, обособляет, как известно, каждую группу славянских языков и даже отдельные южнославянские языки (диалекты).

Ряд черт объединяет южные и восточные славянские языки: переход *kv-*, *gv-* в *cv-*, *zv-*; утрата *t* в сочетаниях *tl*, *dl*; наличие *l*-эпентетикум (в X–XI вв. и в болгарском, и в македонском). Эти факты позволили А. А. Шахматову и другим ученым говорить о первоначальном разделении единого праславянского массива на западную часть (празападнославянские языки) и восточную (правосточно- и южнославянские языки) (Шахматов, 1916, с. 42–43).

Есть черты, объединяющие западные и южные языки Славии: начальное *je* (*jezero*), сочетание *trat*, *tlat* в чешском и словацком языках (но *trot* в польском — *wrona*), началь-

² Диалект, на основе которого возник русинский литературный язык, вероятно, восточнословацкий со значительным числом украинизмов (не исключена возможность, что у прежних носителей этого диалекта в XVI–XVII вв. словацкая речь наслонилась на восточнославянскую — украинскую), вероисповедание у носителей диалекта — униатское, национальное самосознание — восточнославянское, «русинское» (реже украинское, еще реже русское), современное территориальное расположение — в среде южнославянского, сербскохорватского диалектного массива. (См. Дуличенко, 1972; Дуличенко, 1971; Duličenko, 1974).

ное сочетание *rat-, lat-* (из **ort-, *olt-* под циркумфлексной интонацией) в среднесловацких говорах.

Ряд лексических соответствий побудил Ф. П. Филина в 1962 г., развивавшего идеи А. А. Шахматова, противопоставить «севернославянский» ареал (западно- и восточнославянские языки) ареалу южнославянскому. В качестве материала использовались географические апеллятивы (*багно, болонь*), ботанические названия (*гриб, сосна*) и другие — типа *пирог, обилье, обух* и т. д. (Филин, 1962, с. 205–214). Через шесть лет, в 1968 г., с обширной аргументацией и тоже на примере географических терминов, топонимов и нескольких других слов (**krak-, *nakъл-, *sopot-*, а также **bar-, *gvozdъ, *tyměno* и др.), Е. Налепя выдвинул обратное положение — об общих элементах западно- и южнославянского ареалов и их противопоставленности восточнославянскому (Nalera, 1968). Эти расхождения в подходах и взглядах связаны, вероятно, и с различными определениями территории славянской прародины — с «днепровской» гипотезой и гипотезой «висло-одерской». В нашу задачу, однако, сейчас не входит ни критика концепций Ф. П. Филина или Е. Налепи, ни тем более рассмотрение вопроса о славянской прародине.

Отметим только, что основные из приведенных историко-фонетических признаков служили некоторым лингвистам в качестве аргументов для построения схемы миграции славян из прародины. Эту схему в 1958 г. обобщил И. Хамм следующим образом. Еще в III в., т. е. до эпохи переселения народов, западные славяне отделились от основной массы остальных славян, не пережив изменения начальных сочетаний *kv-, gv-* в отличие от других славян. В III–IV вв. н. э. ряд славянских племен из оставшегося «восточного» массива устремился через Карпаты на юг, на Балканы. Эти племена в Паннонии контактировали вновь с западными славянами, с их южной частью — с прапечами и прасловаками — и пережили с ними общий процесс метатезы группы **tort, *tolt (*borda, *golva)*: польск. *broda, glowa*, чеш. *brada, hlava*, южнослав. *brada, glava*, русск. (вост.-слав.) *борода, голова*. Затем, в V–VI вв., проникают в Паннонскую низменность авары, а в конце IX в. — венгры, прочно отмежевывая южных славян от западных, и уже результаты перехода **tj, *dj* в другие согласные или сочетания согласных у западных, восточных и южных славян оказываются различ-

ными. Неодинаковы они, как хорошо известно, и в границах южнославянского массива. Западные славяне, добавляет к этому И. Хамм, обособляются еще сохранением в своем языке групп *tl*, *dl*, *l*-эпентетикум и особым результатом палатализации *x* (из *s*) > *š* перед *ě*₂ (ср. чеш. дат. ед. *touše* от *toucha*) (Hamm, 1958, s. 5–6).

Естественно, что изложенная схема вызывает сомнения определенного порядка. Достаточно ли языковых фактов для предлагаемых исторических и хронологических построений? Столь ли прямолинейно или последовательно происходила дифференциация славянских языковых групп и языков? Подобные сомнения заставляли многих лингвистов искать новых, еще не введенных в обиход аргументов, нового материала, прежде всего в сфере топонимии (Nalera, 1968; Stieber, 1974), славянских заимствований и реликтов в других языках (Bidwell, 1961) славянской апеллятивной лексики.

Тем не менее лингвистические факты, о которых шла речь, хотя и малочисленны и недостаточны для решения многих вопросов, в том числе и этногенетических, но все же приемлемы для того, чтобы служить ориентиром (или даже базой, исходной моделью) для ряда научных построений.

О чем же говорят эти факты в аспекте противопоставления центрального и маргинальных (окраинных) ареалов славянского мира? Они свидетельствуют о том, что славянский языковой мир делится на три значительные части — западную (северо-западную), южную (юго-западную) и восточную на основе пучков дифференциальных признаков, базирующихся на упомянутых фактах. При этом центр не противопоставлен периферии, а противопоставлены друг другу в различных комбинациях отдельные большие массивы.

Следует, однако, сделать одну оговорку. Зафиксировано несколько фактов, хотя и спорных во многих отношениях, когда именно на окраинах сохранялись древние реликты, свидетельствующие, что в этих маргинальных микроразонах в отдельных случаях не прошел до конца тот или иной процесс, характерный для всей, скажем, южно- или западнославянской диалектной территории в целом. И эти случаи, в общем, также довольно хорошо известны в славистике.

Таково, например, сохранение группы согласных *tl*, *dl* в словенских корушских (каринтийских) говорах (Tésnière, 1933), вероятно, и рудиментарных *кл*, *гл* в древних и совре-